

**PETROV CULTURE BURIAL SITE NEAR THE VILLAGE OF TALDY
(KARKARALINSK DISTRICT, KARAGANDA REGION)**

© 2018

Kukushkin Igor Alekseevich, candidate of historical sciences,
leading researcher of Saryarka Archaeological Institute**Dmitriev Evgeniy Anatolievich**, junior researcher of Saryarka Archaeological Institute**Kukushkin Alexei Igorevich**, junior researcher of Saryarka Archaeological Institute
Buketov Karaganda State University (Karaganda, Republic of Kazakhstan)

Abstract. The following paper contains investigation results of the randomly discovered ancient burial site near the village of Taldy (Central Kazakhstan). Accompanying inventory is represented by metal celt-adze, a highly fragmented bracelet with a spiral wound end and a ceramic vessel with a ribbed shoulder and geometric ornament. The obtained material allows attributing the burial site to the Petrov culture of the Bronze Age. The authors of the paper proceed from the weak argumentation of the regional analogue of «Petrovka», the Nurtai culture singled out at the end of the 20th century. The current base of sources is characterized by heterogeneity. In this connection, the early Andronian antiquities of Central Kazakhstan should be considered within the framework of the Petrov culture with the possible further allocation of a local variant or stage. Celt-adze found here is quite interesting. It has analogies with the Dolgaya Gora monuments findings (Abashevskaya culture), Tanabergen II (Sintashta culture), Nuratady-1, Kenotkel XVIII (Petrov culture) and Shaitan Lake II (Koptyakovskaya culture). According to the formal and typological features, the specimens found are divided into two subtypes: the early one – Abashev-Sintashta and the later one – Petrovsky-Koptyakovsky. The Dolgaya Gora finding presupposes the birth of this type of tools in the late Abashev culture of the Urals. The well-known ethnographic parallels allow us to establish that the products were intended for straining poles, sanding the tree, removing the core from blanks and other works related to woodworking.

Keywords: Central Kazakhstan; Bronze Age; Petrov culture; Seiminsk-turbinsk phenomenon; Koptyakovskaya culture; Sintashta culture; Abashevskaya culture; Nurtai culture; metalworking technology; typology; random finding; grooved bracelet; celt-adze; woodworking.

УДК 902.03

Статья поступила в редакцию 18.01.2018

**СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ ДРЕВНОСТЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

© 2018

Писарева Олеся Константиновна, магистрант кафедры отечественной истории и археологии
Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация)

Аннотация. В статье впервые собрана разрозненная информация о случайных археологических находках и грабительских раскопках на территории Самарской губернии середины XIX – начала XX вв. Отмечается, что процесс археологического изучения Самарской губернии в дореволюционный период до сих пор остается неизученным. По итогам работы был составлен хронологический свод случайных археологических находок и раскопок, произведенных на территории Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. В состав свода включены все выявленные в процессе исследования факты обнаружения археологических памятников и отдельных артефактов с указанием времени и места обнаружения и состава находки или клада. За вторую половину XIX – начало XX вв., по данным источников, было выявлено 142 свидетельства о найденных древностях. Клады монет, украшения, предметы быта, предметы культа и прочие находки оседали в научных организациях и музеях Санкт-Петербурга, Москвы, Казани, Самары, Саратова и Симбирска. Многие находки утрачены, либо их судьба остается неизвестной. Вопросы, затрагиваемые в статье, неразрывно связаны с проблемой учета и охраны археологических памятников, сохранения культурного наследия.

Ключевые слова: археология; охрана культурного наследия; Самарская губерния; Императорская Археологическая комиссия; П.В. Алабин; памятники археологии; свод находок; клады; археологические раскопки; случайные находки; XIX–XX вв.; предметы культа; курганы; каменные статуи; Публичный музей; самарский губернатор.

Интерес общества к предметам древности был во все времена, но у отдельных людей он проявляется по-разному. Вокруг предметов древности складывались легенды и предания, далекие от истины. Находка клада считалась большой удачей: продав или переплавив его, можно было поправить свое материальное положение. «Волжские клады. Нигде, кажется, не сохранилось столько преданий о кладах, как в Самарской и смежной с ней Симбирской губерниях (правый берег Волги). Заговорите с тамошними крестьянами о кладах – и вам немедленно укажут десятки курганов, холмов и разных потаенных местечек, в которых схоронены клады Стеньки Разина. В некоторых местах мужики, как кроты, взрыли все окрест-

ные холмы и курганы, но безрезультатно. Наоборот, случайные находки кладов наблюдаются чаще» [1, с. 130]. Жители российских деревень и сел постоянно наблюдали вокруг себя остатки старины, такие как курганы, валы, развалины древних сооружений и т.д. Нередко такие объекты подвергались разрушению в ходе грабительских раскопок, именно поэтому проблема учета и сохранения древностей как в XIX, так и в XXI веке обсуждается достаточно остро.

Актуальность темы заключается в том, что процесс археологического изучения Самарской губернии в дореволюционный период до сих пор остается неизученным.

Цель исследования – выявление случаев находок древностей и механизмов их учета на территории Самарской губернии.

Результаты работы основываются на материалах переписки и отчетной документации из фондов Канцелярии самарского губернатора (фонд № 3), Самарской губернской земской управы г. Самары (фонд № 5) и Самарской палаты уголовного суда (фонд № 154) ЦГАСО. Помимо архивных данных использовались законодательные источники, статьи и заметки в периодической печати. В частности, был проведен сплошной просмотр за весь хронологический период таких изданий, как «Известия» и «Отчеты» Императорской Археологической комиссии (ИАК) и «Отчеты» Саратовской и Симбирской губернских ученых архивных комиссий (СУАК и СГУАК).

В ходе исследования был составлен хронологический свод случайных археологических находок и раскопок, произведенных на территории Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.

Судьба каждой из находок была индивидуальной, нередко найденные клады продавались находчиками. Интересный казус произошел в 1854 г. Крестьянин ночью купил клад у другого, считая, что в глиняном горшке лежит золото. На следующий день при дневном свете покупатель обнаружил, что «лжеклад», проданный по цене золота, состоял из медных жестинок. Выяснилось, что продавец симитировал находку клада на своем участке, чтобы кто-нибудь захотел его приобрести. За мошенничество на продавца завели уголовное дело [2].

В период 1875–1876 гг., при постройке Оренбургской железной дороги на правом берегу реки Большого Кинеля, на месте существующей в настоящее время станции Кинель Самаро-Уфимской железной дороги был заложен карьер для получения балласта на полотно дороги. В карьере открылся грунтовый могильник. Прежде чем об открытии стало известно инженерам, производившим здесь работы, могильник был разрушен рабочими. Вскоре известие об открытии могильника дошло до сведения инженера-архитектора графа Н.И. де-Рошфор, строившего в это время железнодорожный вокзал в Самаре. Он отправился на место находки, но успел найти в могильнике только два нетронутых костяка и сфотографировать один из них, завернутый с головой в парчу. Сохранить парчу оказалось невозможно, так как от соприкосновения с ней материя рассыпалась. Граф успел собрать некоторую часть ткани и наклеить ее на толстую бумагу, после чего передал находку в Публичный музей Самары. По неподтвержденным данным, в том могильнике был найден еще один мужской костяк, завернутый в бересту [3, с. 9–10].

П.В. Алабин, прибывший на место работ, смог собрать у рабочих вынутые из могильника некоторые фрагменты металлических зеркал, разноцветную бусину и раковину, из которой делали женские ожерелья и украшения на конские узды. Найденная шелковая ткань до сих пор хранится в Самарском музее имени П.В. Алабина, в 2001 г. она была исследована специалистом по археологическому текстилю О.В. Орфинской. Результаты проведенных работ изложены в статье «Шелковая ткань XII–XIV вв. из фондов СОИКМ им. П.В. Алабина» [4].

Обязанность исполнения государственных постановлений об охране памятников в Самарской губернии ложилась на губернаторов, которые периодически

вели переписку об обнаружении древних захоронений, кладов и отдельных артефактов. Приходилось решать вопросы о дальнейшей судьбе находок с чиновниками разных уровней, археологическими обществами и научными учреждениями.

Так, например, из рапорта самарского полицмейстера губернатору П.А. Бильбасову от 3 апреля 1877 г. узнаем, что солдатский сын Петр Дмитриев Лазарев 15 лет и самарский мещанин Алексей Данилов Курбатов 16 лет обнаружили 1 апреля 1877 г. зарытые за Колесниковым оврагом серебряные монеты продолговатой формы с надписью «Царь Федор и Царь Иоанн», совокупным весом 13½ фунтов. В том же месте такие же монеты в значительном количестве были найдены рядовым 1 роты Самарского местного батальона Тимофеем Бусановым, который передал находку военному начальству. П.А. Бильбасов посылает найденные монеты в ИАК и указывает, что «находчики этого клада изъявили желание уступить его казне, с условием получения за это вознаграждения» [5, л. 2–2 об.].

За 1878 г. не было официально зарегистрированных находок, однако с этого времени и до 1898 г. есть сведения о находках, сохранившиеся благодаря записям в памятной книжке поселенца Новоузенского уезда Остапа Михайловича Скрыни. Внучка О.М. Скрыни, Любовь Зинченко, сделала выписки из его памятной книжки и в 1909 г. передала их СУАК. Указывается, что 20 июня 1878 г. в слободе Покровской девочки Анка и Ксана нашли в речке 2½ фунтов серебряных копеек «со словами царь и князь и с конями» [6, с. 109]. В том же году на Щуровой горе нашли корчагу с деньгами [6, с. 109].

18 мая 1879 г. на городище старого Саратова вымыло скелет попа с кадилом. Л. Зинченко добавляет, что в том же месте «...как-то давно вымыло водой гроб с останками священника в облачении...» [6, с. 109]. 2 июля ветром на Щуровой горе выдуло кости человека, при нем нашли медный нож и стрелы [6, с. 109]. 21 августа на Марусином займище нашли молоток из камня, который был продан «за целковый водяному начальнику, что на рыбалке там был» [6, с. 109]. 17 сентября казаки у мельницы копали калмыцкие могилы, но «нашли мало и побросали» [6, с. 109]. В декабре в с. Дьяковке пять человек «богато нашли в большом мару», копали по ночам. На третью ночь докопали до круглого каменного подвала с железной дверью, выходящей на восток. Внутри обнаружили каменный стол, на нем лежала шелковая уздечка, а «в уздечке конская башка, а одаль на полу кости человека, парчовым покровом покрыты; в головах у них чаша червонного золота была на манер святой купели» [6, с. 109–110]. Возможно, чаша была сдана в Саратовский госбанк. В 1880 г. в Николаевском уезде на хуторе Бителяке О.М. Скрыня и некто Ефим Карпович нашли медную бляху и «каменный болван» [6, с. 110].

14 июня 1880 г. в слободе Покровской Новоузенского уезда на дворе крестьянина Шкоды при выкапывании ямы для погребения крестьянином Нижегородской губернии Лукояновского уезда Пачинской волости села Новоспаского Андреем Фоминым Шушиным найден в земле глиняный горшок с медными монетами XVIII в. на сумму 1 руб. 54 коп. серебром. Монеты были отправлены Новоузенским уездным исправником губернатору А.Д. Свербееву, который, в свою очередь, сообщил о кладе в Императорскую

Археологическую комиссию. ИАК определила, что монеты прошлого столетия «не могут иметь интереса в нумизматическом отношении» [7, л. 3], после чего губернатор вернул клад находчикам.

Бывало, попадались действительно редкие находки, как это случилось с крестьянином Малоузенской слободы Новоузенского уезда Самарской губернии Михеем Антоновым. В 1880 г. его наградили серебряной медалью на Станиславской ленте, с надписью «За усердие», за сделанное им пожертвование черепа *Elasmotherium fisheries* музею Горного института в 1879 г. [8]. Вероятно, это был череп обитавшего в ледниковом периоде в Евразии шерстистого носорога-эламотерия, впервые описанного Фишером фон Вальдгеймом в 1808 г. [9]. Судя по письму из Горного департамента самарскому губернатору от 7 мая 1880 г., череп был передан горному инженеру Кузнецову при посредничестве А.Д. Свербеева [8, л. 1].

В октябре 1881 г. профессор Императорского Санкт-Петербургского университета А.А. Иностранцев сообщает А.Д. Свербееву: «На днях мне был доставлен в геологический музей С[анкт-]Петербургского Университета зуб одного весьма интересного ископаемого животного с подробным указанием местности[,] где он был найден в Новоузенском уезде на реке Малый Узень; вместе с ним сообщалось, что целый череп этого животного был доставлен в полное Ваше распоряжение» [8, л. 16]. Профессор просит передать найденный череп в ведение Геологического музея Императорского Санкт-Петербургского университета. Губернатор отвечает, что один череп отправлен в Горный департамент, а о других находках ему ничего не известно [8, л. 16–17 об.]. Неясно, принадлежат ли зуб и череп одному животному, или же это отдельные находки.

6 сентября 1882 г. А.Д. Свербеев сообщил в ИАК о том, что рядом с механическим заводом «Бенке и К°» в г. Самаре временным самарским купцом Готгардом Бенке на берегу реки Волги найдено 60 штук серебряных старинных монет [10; 11, с. XXIV]. Монеты оказались копейками царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, которых в Эрмитаже было уже в избытке. Возвращая клад Г. Бенке, ИАК передала купцу благодарность за присылку им упомянутых монет.

О.М. Скрыня пишет, что в октябре 1882 г. «...во дворе у Литвина клад открылся, гривны по осьмушке на 1 пуд 30 фунтов, купил Коробка кузнец» [6, с. 110]. В том же году две стрелы и оружие из черного камня были найдены на реке Саратовке [6, с. 110].

Две серебрянные позолоченные круглые пластины с изображением грифона, более 200 серебряных колец и несколько серебряных пуговиц с изображением ежа были найдены в Новоузенском уезде в 1883–1884 гг. [12].

В 1885 г. в Новоузенском уезде на р. Волге нашли серебряные крестовики (монеты) [6, с. 111].

Крестник О.М. Скрыня летом 1886 г. на поле нашел «громовую стрелу» – оружие каменного века [6, с. 111].

В 1887 г. в Николаевском уезде обнаружен бронзовый «змеевик» – христианский медальон-оберег [13, с. ССІ]. Близ с. Царевщины, не более версты от берега р. Волги, у подножия крутой горы в одной пещере были найдены: ржавый кинжал и «золотников в семь кусок серебра, клинообразной формы» [14, с. 171].

В 1888 г. О.М. Скрыня отмечает: «...у Вознесения рыли погребницу – нашли кости в колодцах, опять закопали, рыть не стали» [6, с. 112]. Интересны заметки О.М. Скрыни за 1889 г., например, 2 марта он пишет, что «...есть две каменных могилы пониже Камышина, там сам Батый с женой схоронен, те могилы казаки давно рыли... много нашли золота» [6, с. 112]. Летом 1889 г. из кургана «Вершина», недалеко от с. Березово, вырыли медный котел «на 20 ведер», который был «...полон разного оружия, железных ножей, которые в ножнах, которые так, топоров одних 40...» [6, с. 112]. Вещи были проданы в г. Вольске. 10 сентября О.М. Скрыня вспоминает, что «на Узенском [(Новоузенском). – прим. Л. Зинченко] тракту видел недавно разрытый мар» [6, с. 112].

В 1889 г. Д.В. Лисовским и местным лесничим недалеко от с. Царевщины в дупле дерева был обнаружен клад. Находка представляла собой сундучок, запертый на внутренний замок. В сундучке оказалась истлевшая ассигнация времен Екатерины II [14, с. 171–172].

В том же году недалеко от села Благодаровки местными крестьянами были разрыты три кургана под названием «Железный Мар». Обнаруженные находки посылаются губернатору с рапортом, где указывается, что при производстве грабительских раскопок крестьяне были остановлены сельскими властями, и, по распоряжению уездного исправника, за курганами установили наблюдение «с целью сохранения в них находящегося до приезда археолога» [15, л. 2–2 об.]. По итогам проверки курганов, С.А. Веселицкий посылает отчет в ИАК с описанием исследуемой местности, формы курганов, с изложением истории периодических крестьянских раскопок, обстоятельствах разрытия курганов и о производстве собственных раскопок. В дополнение в ИАК переслали бронзовые удила и 11 бронзовых наконечников стрел. В дальнейшем древности были переданы Императорскому российскому Историческому музею [16, с. 90–92].

Стоит отметить, что в 2005 г. О.В. Зубовой было опубликовано аналогичное дело из фондов ЦГАСО, содержащее в себе подробную информацию о первых находках древних вещей в Самарской области на Муранском могильнике [17, с. 7–14]. Могильник был раскопан В.Н. Поливановым и получил мировую известность. Во второй половине XIX–начале XX вв. с. Муранка находилось в составе Сенгилеевского уезда Симбирской губернии, поэтому история изучения Муранского могильника не рассматривается настоящим исследованием.

В 1890 г. из Ставропольского уезда села Мусорки в Эрмитаж поступили 20 цельных и 24 обломанных куфических серебряных монет (арабских дирхемов) IX–X вв. и железный топорик с серебряной насечкой [18, с. 124, 146; 19, с. 321].

В 1890 г. весной бахчевник Семен Хмурень подарил О.М. Скрыне медную стрелу, найденную на поле близ Каменного яра [6, с. 113]. 2 мая того же года О.М. Скрыня пишет: «В воскресенье на старый город приезжали из Саратова. Приехали на казенном пароходе ученые, всех человек с 10. Чего-то искали и потом покупали кресты и деньги, которые у Шаловских были» [6, с. 113].

В 1891 г. на рассмотрение в ИАК были отправлены коллекции кладов русских монет XVIII в. из Бу-

гурусланского уезда (с. Багряша и с. Нойкино), Бузулукского уезда (д. Зимниха) и Самарского уезда (г. Алексеевск). Находки возвратили нашедшим [20, с. 132, 184].

В Новоузенском уезде в 1892 г. при производстве строительных работ на Кочетковских плотинах были открыты старинные памятники с «неизвестными письменами» [3; 21; 22]. Для работ на Кочетковских плотинах в Новоузенском уезде требовалось большое количество камня, который поставляли с Синих гор на границе с Уралом. Выяснилось, что по распоряжению подрядчика крестьяне доставляли камень из Синих гор, разбирая существующие в этой местности курганы, сложенные из камня [3, с. 18–19]. П.В. Алабин «в интересах Самарского Публичного Музея» просит губернатора А.С. Брянчанинова «поручить, кому будет следовать, охранить открытые в Новоузенском уезде в "Синих горах"... замечательные древности, состоящие из каменных гробниц, с надписями на плитах, их покрывающих, начертанными неизвестными письменами, и о том, что в действительности открыто – приказать уведомить», что губернатор и предписывает Новоузенскому уездному исправнику [22, л. 1–2 об.]. Единственный местный ученый П.В. Алабин добился правильной реакции губернских властей и лично выехал на место, однако эти действия запоздали.

В 1892 г. крестьяне Иван Конвин и Архип Молохов из села Красносамарское Бузулукского уезда нашли клад серебряных турецких монет, часть монет пополнила коллекцию Публичного музея [21, л. 2].

В составе случайных находок, поступивших в ИАК в 1893 г., числятся: 12 медных котлов различной величины, 6 ковшей, сосуд для воды, суженный кверху, две цепи с пробоями, ключ и крючок. Вещи были найдены в земле на глубине $\frac{1}{4}$ аршина недалеко от с. Рождествено Ставропольского уезда. Предметы отправили на хранение в Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете [23, с. 44, 118].

В 1894 г. 105 серебряных золотоордынских монет XIV и XV вв. были найдены в звериной норе у деревни Большой Ремизенки Бузулукского уезда. Также близ с. Острая Лука Николаевского уезда на реке Ирғиз обнаружена медная джайновская статуэтка (бурхан) [24, с. 40, 166]. В октябре того же года крестьянка Мария Баканова на своем дворе в с. Бряндино Ставропольского уезда наткнулась на клад русских монет XVII–XVIII вв. Монеты лежали в чугунной шарообразной посуде, которая в дальнейшем Бакановой была утрачена. До самарского губернатора дошло только 278 монеты из 283 штук [25; 26, с. 194]. Археологическая комиссия передала Марии Бакановой 4 рубля за находки [25, л. 7].

Из записок О.М. Скрыни за 1894 г.: «Клад дался Шаловским. Другой раз такой клад им дается – выроют корчагу – а в ней прах один. А корчага, говорят, хорошая, да с крышкой. "От дурни, чего у землю ховали"» [6, с. 114].

Весной 1895 г. были разрыты курганы близ с. Подстепное Новоузенского уезда, найдены медные стрелы [6, с. 114]. О.М. Скрыня вспоминал в ноябре этого же года, как «...Петрухо Узморский стал было погреб копать и 12 фунтов мамынского серебра нашел» [6, с. 114].

В 1896 г. круглое бронзовое зеркало из Николаевского уезда с. Березовой Луки было передано в Императорский российский Исторический музей [26, с. 135, 244].

30 мая 1896 г. крестьянин с. Старосемейкино Стародворянской волости Самарского уезда Денис Чернов нашел 229 монет в глиняном горшке у себя во дворе [27, л. 1]. Клад был передан самарским губернатором в распоряжение ИАК, которая посчитала монеты не имеющими археологического значения и не представляющими нумизматического интереса, за исключением нескольких экземпляров. ИАК выкупила их за 10 руб. 56 коп., а остальные монеты передала на переплавку в Монетный Двор, отпустивший за них 121 руб. 14 коп. Так крестьянин Денис Чернов получил за находку 131 руб. 70 коп. [27, л. 12–14].

Еще один случай 1896 г. касается обнаружения бронзового бурхана – небольшой статуэтки, изображающей одного из вероучителей джайнов – Паршву, восседающего на троне. На оборотной стороне двусторонняя восточная надпись 1128 г. Статуэтка найдена Петром Байдаровым в августе 1896 г. при распашке поля близ с. Верхняя Кармалка Бугульминского уезда. Крестьянин за свою находку получил 15 руб. от ИАК [27, л. 4–11 об.; 28, с. 135].

В 1897 г. в ИАК доставлено 123 рублевых и 12 пятидесятикопеечных серебряных монет, найденных в слободе Саврухе Сарбайской волости Бугурусланского уезда. Клад обнаружили крестьянин Ефим Барякин и девочки Анастасия Барышникова и Федосья Шилинцева при рытье канав. С согласия вышеназванных крестьян монеты переплавили, и находчикам ИАК выслала вознаграждение в размере 166 руб. 50 коп. [29].

В 1897 г. в с. Девлезеркино Бугульминского уезда состоялась случайная находка клада из 3 медных русских монет 1740, 1798 и 1814 гг. [30, с. 71, 182].

В ОАК в 1898 г. из Самарской губернии поступил медный чекан, найденный несколькими годами ранее в Ставропольском уезде, на границе с Казанской губернией [31, с. 77; 32, с. 57].

О.М. Скрыня упоминает 6 марта 1898 г., что в с. Красный Кут нашли могилу с 8 покойниками, оружием, разными вещами и серебряными монетами [6, с. 115]. В основном вещи и деньги были проданы казакам. В сентябре он делает пометку о том, как «недавно наш Кузьма три стрелы на Шаловом нашел» [6, с. 115]. В октябре Васька Косой во время рыбалки на реке Ирғиз нашел в яру кувшин с золотыми крестовиками. Один крестовик стоил 25 рублей. С того случая Васька Косой купил дом и открыл лавку в Балакове [6, с. 115].

За 1899 г. в ИАК отосланы: медный клин, найденный на берегу полувысохшего озера (на глубине 8,5 м) близ с. Сорочинского Бузулукского уезда, 8 медных наконечников стрел, круглое медное зеркало с не поддающейся чтению китайской надписью и обломок другого медного зеркала, украшенный полукругом, найденные в горе «Шишка» около д. Орловки Николаевского уезда [32, с. 55; 33, с. 119–120, 162].

В 1902 г. в Самарский музей поступили вещи из кургана, вскрытого частным лицом в имении «Голубиный Мар» Новоузенского уезда (близ станции Римско-Корсаковка Уральской дороги). Среди них: 5 кремневых и 2 костяных наконечников стрел, об-

ломки костяной пластинки и костяной цилиндрок. В кургане обнаружены следы склепа с сырцовыми стенками, выбеленными известью, где, кроме упомянутого цилиндрика, найден череп лошади и горшок. В Отчете ИАК указывалось, что в кургане были найдены и другие вещи, принадлежавшие «иному времени» [34, с. 140].

В Новоузенском уезде в этом же году на Лысой горе, которая находится в 15 верстах на северо-восток от слободы Покровской, были найдены медные золотоордынские монеты. 15 декабря 1902 г. Б.В. Зайковский передал их в музей СУАК [35, с. 73]. В 8 верстах от Сухой Вязовки Николаевского уезда, рядом с поселком Новодевицким, местными крестьянами случайно обнаружены подземные пещеры. ИАК выразила надежду, что их исследует «какой-нибудь знающий человек, так как открытие, может быть, имеет некоторое естественнонаучное или археологическое значение» [36, с. 61].

В 1903 г. на пашне у д. Ново-Троицкой Бугурусланского уезда найдена четырехугольная полоса кольчуги размером 23 × 12 дюймов, состоящая из крупных железных колец. Такие полосы носили в дополнение к панцирю «наперед, ниже панцыря» [37, с. 172]. Находка передана в Самарский музей.

В 1904 г. из с. Алексашкино Козловской волости Новоузенского уезда в ИАК поступили предметы медного века. Клад состоял из фрагментов клина и серпа. Вместе с этими вещами прислан поздний медный ковш. Древности направили в Императорский российский Исторический музей [38, с. 104]. Крестьянскими детьми того же села найдены в яме позади жилых домов чашка небольшого размера (вершка два в поперечнике), копье, труба – орудие наподобие долота и 7 штук одинаковых вещей, похожих на старинные латы. Все указанные вещи изготовлены из красной меди и весят 11 фунтов. Об этой находке сообщил корреспондент статистического отделения губернской земской управы [39, с. 36].

В числе приобретений музея СГУАК за 1907 г. упоминается о найденном недалеко от с. Красного Яра хорошо сохранившемся черепе носорога [40, с. 6].

2 апреля 1907 г. священник слободы Узморья Новоузенского уезда Павел Розалиев писал СУАК, что в слободе всегда были искатели кладов, которые по ночам тайно занимались раскопками. Поводом к тайным раскопкам служили случайные находки по берегу речки после спада весенних вод и при рытье погребов и колодцев. По берегу речки находили монеты, глиняные и медные сосуды. Девочка нашла «нечто наподобие топора». В одной семье при рытье погреба нашли медный сосуд, который был продан цыганам [41, с. 122–123].

В 1908 г. священник Г.Я. Бератц сообщает СУАК об археологических находках недалеко от колонии Березовки Новоузенского уезда, в местности «die grosse und Kleine Platte» или просто «die Plattstücker», т.е. большое и малое ровное место. Так, в 1905 г. мальчик заметил на песке около реки Березовки в пяти верстах от села полный человеческий скелет в сидячем положении, нижняя часть которого была покрыта песком, и длинные железные стрелы, которые распадались от ржавчины [42, с. 118]. На том же месте в 1906 г. пастух нашел человеческий скелет в сидячем положении, железный инструмент и то-

чильный камень (окаменелый дуб) [42, с. 118]. Весной 1908 г. местный житель при посадке вишневых деревьев в саду наткнулся железной лопатой на давно разбитый глиняный черный горшок. На этом месте садовник вырыл два человеческих скелета, которые лежали в разных направлениях вперемешку с лошадиными и овечьими костями [42, с. 118–119]. Сам Г.Я. Бератц с товарищем в «Платштюкерах» нашли две медные и серебряную золотоордынские монеты очень хорошей сохранности.

Говоря о монетах, Г.Я. Бератц замечает, что многие находки пропали из-за того, что крестьяне не знали, куда их девать. Однажды пастух нашел клад с 30 монетами. Пастух передал их кузнецу, а тот из них сделал серьги и кольца. Г.Я. Бератц приводит список находок за последние несколько лет, среди которых встречаются железные, медные наконечники стрел, монеты, фигурка из желтой меди с грубым изображением человеческого лица длиной в вершок, медное кольцо и проч. [42, с. 118–119].

К 1908 г. также относятся свидетельства обнаружения нескольких кладов. Первый был найден на горе у д. Четырлы Бугульминского уезда. Он включал в себя серебряные вещи XIV в., такие как: 4 большие серьги с напущенными бусами, нагрудная цепочка с тремя большими круглыми гладкими бляхами и 24 подвески в виде желудей, 12 цельных монетных гривен и одна обломанная. Из них три – новгородского типа, остальные короткие с лоточком в нижней части. Предметы переданы в Самарский музей [43, с. 185–186, 211]. Второй клад нашел крестьянин Степанов в д. Александровке Самарского уезда. Клад состоял из 5 полтинников, 6 четвертаков, 14 двугривенных, 11 гривенников, 5 иностранных монет и 1 испанского флорина 1811 г. Об этой находке сообщили в полицию. Монеты посчитали женским украшением, потому что все они были с пробитыми отверстиями [44, с. 88].

В Николаевском уезде, напротив Вольска, на прилегающей к р. Волге степной полосе были найдены 2 каменные бабы. Одна из них стояла у выезда из д. Елшанки, другая – на кургане. Сообщается, что в дальнейшем обе статуи бесследно исчезли [45, с. 25]. В Николаевском же уезде, близ Тупилкиных хуторов, на границе земель, принадлежащих г. Вольску с одной стороны и крестьянам с. Маянги – с другой, среди заливных лугов, хранителем Саратовского музея Б.В. Зайковским была замечена каменная баба, уходящая по грудь в землю. Статуя была высечена из серого песчаника, «...черты лица, шапочка и одно ухо заметны довольно хорошо, хотя все изваяние сильно обезображено огнем, от разводных у него пастухами костров... при чем заметны следы рук, а под ними нечто вроде квадратной таблички, на которой будто бы вырезаны какие-то знаки» [45, с. 27]. По сведениям, сообщенных Б.В. Зайковскому местным земским начальником Сервиановым, каменная баба раньше стояла на кургане, но потом была перенесена на границу земель в качестве межевого знака, после чего Вольская городская управа принесла ее в дар местной женской гимназии, при которой предполагалось учредить музей.

Еще одного «очень страшного каменного болвана» Б.В. Зайковский обнаружил на углу церковной площади около здания училища в центре колонии Цюрих. Каменная баба представляла собой грубо

высеченную статую из твердой породы темного цвета, без явных контуров лица. Б.В. Зайковский отмечает, что шея украшена рельефным двойным ожерельем, «ниже которого хорошо сохранились очертания груди, так что, несмотря на крайне грубую выделку, все же в этом "страшном" болване ясно видно погрудное изваяние женщины» [45, с. 28].

Говоря о других статуях Новоузенского уезда, Б.В. Зайковский пишет, что ста годами ранее владелец богатых земельных участков в окрестностях немецких колоний Урбах и Нахой Нижне-Караманской волости, дед крестьянина Ивана Трофимовича Пшеничного, снял со степных курганов 6 каменных баб. При перевозке их в Покровскую слободу через реку две статуи утонули. Другие две, по распоряжению А.Д. Свербеева, были отправлены в Самару, а две остались в слободе. Первая из оставшихся высечена из темно-бурого камня. Лицо у статуи продолговатое, с высоким выпуклым лбом; на голове шапочка, из-под которой вдоль спины свешивается заплетенная коса; на шее ожерелье из крупных бус, немного ниже – слабое очертание груди. Вторая отличается белым цветом камня и широким плоским лицом; кроме того, у нее нет ожерелья и очертания груди едва различимы [45, с. 25, 29]. Ходили слухи, что в былое время около этих истуканов в день Ивана Купала (24 июня) собирались девушки, обряжали их цветами, водили пред ними хороводы, пели и гадали [46, с. 62].

С 1903 г. Б.В. Зайковский вел переговоры с владельцем этих статуй, крестьянином И.Т. Пшеничным, о пожертвовании каменных баб музею СУАК. Первоначально И.Т. Пшеничный требовал выкуп за обе статуи в размере 100 руб., но после вмешательства земского начальника слободы Покровской, К.К. Лисовского, владелец согласился уступить статуи музею. За это крестьянин попросил СУАК выдать ему «золотую грамоту», т.е. благодарность, напечатанную золотыми буквами и вставленную в золоченую багетную раму. В 1908 г. каменные бабы были переданы музею СУАК [45, с. 30; 46, с. 62; 47, с. 22].

За 1910 г. было зарегистрировано несколько случаев обнаружения древностей. В д. Еремеевке Новоузенского уезда найдены 2 медных котла, выпавшие на ровном месте. Один из них яйцевидной формы весом 21½ фунта, с обычными ушками и веревочным орнаментом. Указывается также, что ножка котла отпала в давнее время [48, с. 224].

В том же году на Барбашинском могильнике XIV в. добыты следующие предметы: поясной набор из 5 тонких медных бляшек с изображением животных, пряжки и пластинчатый серебряный браслет, украшенный орнаментом в виде восточных букв и горошинками. Находки пополнили археологический фонд Самарского музея [48, с. 224; 49, с. 200].

В д. Орловке Николаевского уезда на своей надельной земле крестьяне ломали камни и на глубине 2 сажень нашли скелет человека длиной в три с половиной аршина. Когда они стали собирать кости, то среди них обнаружили крест с изображением льва, «по-видимому, сделанный из кости» [50, с. 174].

В Липовской волости Николаевского уезда один крестьянин, во время рубки тальника, нашел клад в овраге, заливаемом весной Волгой. Клад состоял из

кольчуги, наполненной серебряной монетой. Как потом выяснилось, крестьянин продал кольчугу для перековки на ножи, а монеты сплавил в слитки и тоже продал [51, с. 130].

В 1912 г. клад медных и серебряных русских монет были найдены в д. Татарского Кандыза Бугульминского уезда; в г. Бугуруслане (при рытье водопроводной траншеи); в с. Товоложке Николаевского уезда (при рытье погребов); в д. Красном Яре Ставропольского уезда (в глиняном горшке при рытье ямы для постановки воротного столба) [52, с. 94–95]. Глиняный горшок старинной работы с золотыми, серебряными и медными монетами XVIII–XIX вв. был вырыт в д. Орловке Григорьевской волости Николаевского уезда. В кладе оказались: 4 русских полуимпериала 1830–1833 гг., 72 рубля 1763–1830 гг., 20 полтин 1813–1829 гг., 392 экземпляров двухкопеечников 1810–1829 гг. (в том числе 43 со стертыми годами), 8 мексиканских талеров 1804–1821 гг., 1 перуанский талер 1820 г., 2 боливийских талера 1808 и 1825 гг., 1 сангалленский талер 1820 г. и 1 утрехтский рийксдальдер 1803 г. [52, с. 94–95; 53, с. 175].

В октябре 1913 г. под корнем старой ольхи при рубке леса в 12 верстах от с. Черновки Бузулукского уезда был найден клад русских медных пятаков и копеек 2-й половины XVIII в., весом около 3 пуд [54, с. 212].

За 1914 г. было несколько находок кладов. В с. Старо-Тепловки Бузулукского уезда на крестьянском дворе нашли 875 медных пятаков и двухкопеечников 1757–1787 гг., помещенных в глиняную корчагу. В с. Дьяковке Новоузенского уезда обнаружили 15 серебряных рублей 1775–1818 гг., в д. Ерзовке Ставропольского уезда нашли 1666 экземпляров русских медных монет того же периода. Найденные в размытом водой овраге недалеко от с. Тарлыка Новоузенского уезда 20 серебряные золотоордынские монеты были переданы в Самарский музей [54, с. 212].

В 1917 г. на общественной земле в д. Пальцино Ставропольского уезда сын местного крестьянина нашел клад, состоящий из серебряных слитков и 941 арабских монет. В Известиях ИАК указывается, что «местные богатеи Василий Митряев и Иван Барсуков торговались с нашедшим клад; первый купил два слитка серебра и 400 монет за 24 рубля, а второй – пять слитков и 511 монет за 120 р.» [55, с. 51]. Барсуков отослал покупку сыну в Симбирск для утилизации, а Митряев свою долю перепродал симбирскому городскому голове Л.И. Афанасьеву.

Проведенное исследование показало, что за вторую половину XIX в. известны примеры обнаружения 36 вещевых и монетных кладов, 47 случаев нахождения артефактов, раскопано 25 погребений, 1 поселение, 1 укрепление. Всего 109 свидетельств. За 1901–1917 гг. зарегистрировано 19 кладов, 6 коллекций артефактов и 7 раскопанных погребений. Всего 32 случая.

В целом за вторую половину XIX – начало XX вв. по материалам представленных источников было выявлено 142 свидетельства о случайно найденных древностях.

Продолжительное время на территории Самарской губернии не проводилось специальных исследований археологических памятников. Однако со второй половины XIX в. отдельные деятели, не про-

живавшие постоянно в Самаре, и члены научных обществ из соседних губерний начинают обращать внимание на археологическое наследие Самарской губернии.

Клады монет, древние украшения (кольца), предметы быта (котлы, ковши, сосуды, зеркала и т.д.), предметы культа (бронзовый змеевик, бурханы), медный чекан и прочие находки доставлялись на рассмотрение в Императорскую Археологическую комиссию в Петербург, оседали в научных организациях и музеях Самары, Саратова, Симбирска. В Самарском областном историко-краеведческом музее выявлены предметы, найденные еще П.В. Алабиным [56]. Отдельные находки пересылались в Эрмитаж, Исторический музей, Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете, музей Горного института, Геологический музей Санкт-Петербургского университета. Эти находки продолжают экспонироваться, к ним обращаются исследователи. К сожалению, судьба многих находок остается неизвестной, некоторые были проданы частным лицам или отданы на переплавку. Современное местонахождение большинства находок, переданных в различные музеи, также требует уточнения.

Список литературы:

1. Известия Императорской археологической комиссии (ИИАК). Приб. к вып. 39. СПб., 1911. 239 с.
2. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 154. Оп. 1. Д. 229. Л. 1–4.
3. Алабин П.В. Древности, найденные в Самарской губернии и хранящиеся в Самарском Публичном музее. Самара, 1895. 19 с.
4. Орфинская О.В., Голиков В.П., Сташенков Д.А. Шелковая ткань XII–XIV вв. из фондов СОИМК им. П.В. Алабина // Самарский край в истории России: мат-лы юбилейной науч. конф. Самара, 2001. С. 207–213.
5. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 93. Д. 16. Л. 1–2 об.
6. Зинченко Л., Зайковский Б.В. Выписки из памятной книги О.М. Скрыни о старинных находках и кладках в Новоузенском у., Самарск. губ. // Труды СУАК. Вып. 26. Саратов, 1910. С. 106–116.
7. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 96. Д. 5. Л. 1–4.
8. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 97. Д. 11. Л. 1–18.
9. Варенов Д.В., Гусева Л.В. Носороги ископаемые Самарской области // Энциклопедия Самарской области. Т. 4: Н-Р / ред. совет: Ю.Н. Горелов и др. Самара: СамЛуксПринт, 2011.
10. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 99. Д. 5. Л. 1–4.
11. Доклад о действиях ИАК за 1882 г. // ОАК за 1882–1888 гг. СПб., 1891. С. I–XXIV.
12. Доклад о действиях ИАК за 1883–1884 гг. // ОАК за 1882–1888 гг. СПб., 1891. С. XXV–LVIII.
13. Доклад о действиях ИАК за 1887 г. // ОАК за 1882–1888 гг. СПб., 1891. С. CLXVII–CCII.
14. Юдин П.Л. Курганы и подземные пещеры в Самарской губернии // Исторический вестник. Т. 57. СПб., 1894. С. 166–173.
15. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 105. Д. 43. Л. 1–23.
16. ОАК за 1889 г. СПб., 1892. 127 с.
17. Зубова О.В. Архивная находка. История открытия и исследования Муранского могильника в XIX–XX вв. // Краеведческие записки. Вып. XII. Самара, 2005. С. 7–14.
18. ОАК за 1890 г. СПб., 1893. 151 с.
19. Морозов В.Ю. Топография кладов и случайных находок монет на территории Куйбышевской (Самарской) области // Краеведческие записки. Вып. VII. Самара, 1995. С. 319–326.
20. ОАК за 1891 г. СПб., 1893. 187 с.
21. ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 300. Л. 1–3.
22. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 177. Д. 20. Л. 1–2 об.
23. ОАК за 1893 г. СПб., 1895. 121 с.
24. ОАК за 1894 г. СПб., 1896. 171 с.
25. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 42. Д. 17. Л. 1–7.
26. ОАК за 1895 г. СПб., 1897. 201 с.
27. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 112. Д. 11. Л. 1–20.
28. ОАК за 1896 г. СПб., 1898. 251 с.
29. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 11. Л. 1–5.
30. ОАК за 1897 г. СПб., 1900. 192 с.
31. ОАК за 1898 г. СПб., 1901. 191 с.
32. Длужневская Г.В. Археологические исследования в Европейской части России и на Кавказе в 1859–1919 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб., 2014. 218 с.
33. ОАК за 1899 г. СПб., 1902. 183 с.
34. ОАК за 1902 г. СПб., 1904. 199 с.
35. Отчет СУАК за 1902 г. // Труды СУАК. Вып. 23. Саратов, 1903. С. 41–124.
36. ИИАК. Приб. к вып. 3. СПб., 1902. 130 с.
37. ОАК за 1903 г. СПб., 1906. 245 с.
38. ОАК за 1905 г. СПб., 1908. 129 с.
39. ИИАК. Приб. к вып. 14. СПб., 1905. 69 с.
40. Отчет о деятельности СГУАК за 1906 г. Симбирск, 1907. 25 с.
41. Письмо свящ. П. Розалиева к Б.В. Зайковскому, с добавлением последнего о памятниках древности и о находках предметов близ с. Узморья, Новоузенского у., Самарск. губ. // Труды СУАК. Вып. 25. Саратов, 1909. С. 122–123.
42. Бератц Г.Я. Сообщение об археологических находках в кол. Березовке, Новоузен. у., Самарск. губ. // Труды СУАК. Вып. 26. Саратов, 1910. С. 117–121.
43. ОАК за 1908 г. СПб., 1912. 226 с.
44. ИИАК. Приб. к вып. 32. СПб., 1909. 153 с.
45. Зайковский Б.В. Каменные бабы в Саратовском Поволжье // Труды СУАК. Вып. 24. Саратов, 1908. С. 20–33.
46. ИИАК. Приб. к вып. 27. СПб., 1908. 122 с.
47. Протоколы общих и частных собраний Саратовской Губернской Ученой Архивной Комиссии с 15 марта 1908 г. по 20 июня 1909 г. // Труды СУАК. Вып. 25. Саратов, 1909. С. 22–62.
48. ОАК за 1909–1910 гг. СПб., 1913. 293 с.
49. Ключникова Р.М. Археологические изыскания К.П. Головкина // Краеведческие записки. Вып. VII. Самара, 1995. С. 199–207.
50. ИИАК. Приб. к вып. 37. СПб., 1910. 253 с.
51. ИИАК. Приб. к вып. 39. СПб., 1911. 239 с.
52. ОАК за 1912 г. СПб., 1916. 130 с.
53. ИИАК. Доп. к вып. 46. СПб., 1912. 238 с.
54. ОАК за 1913–1915 г. СПб., 1918. 295 с.
55. ИИАК. Доп. к вып. 64. СПб., 1917 г. 91 с.
56. Каталог фонда Петра Владимировича Алабина в Самарском областном историко-краеведческом музее им. П.В. Алабина / сост. И.В. Крамарева, Н.А. Гергедава. Самара, 2009. 150 с.

CHANCE FINDS OF ANTIQUITIES ON THE TERRITORY OF THE SAMARA GOVERNORATE IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURIES

© 2018

Pisareva Olesya Konstantinovna, master student of National History and Archaeology Department
Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation)

Abstract. In the paper, separate information about archaeological finds and predatory excavations on the territory of the Samara Governorate in the middle of the XIX–beginning of XX centuries is collected for the first time. The process of archaeological study of the Samara Governorate in the pre-revolutionary period of development of the Samara archaeology remains unexplored. As a result the author has made a set of archaeological discoveries and excavations made on the territory of the Samara Governorate in the second half of XIX–beginning XX centuries. The list of finds includes all facts of the discovery revealed during the research of archaeological sites and individual artifacts with indication of detection time, place, and composition of the find or treasure. The author revealed 142 evidences of found antiquities according to the research of the second half of XIX–early XX centuries. They are hoards of coins, jewelry, household items, religious objects and other finds accumulated in the scientific centers and museums in St. Petersburg, Moscow, Kazan, Samara, Saratov and Simbirsk. Many of finds are lost or their location is unknown. The issues raised in the paper are inseparably linked with the problem of accounting and protection of archaeological sites, preservation of cultural heritage.

Keywords: archaeology; protection of cultural heritage; Samara Governorate; Imperial Archaeological Commission; P.V. Alabin; archaeological site; list of finds; treasures; archaeological excavations; chance finds; XIX–XX centuries; objects of worship; grave mounds; stone statues; Public Museum; Samara Governor.

УДК 94 (367) : 929.5 «13/14»

Статья поступила в редакцию 12.03.2018

К ВОПРОСУ О РАЗВОДЕ И ВТОРОМ БРАКЕ КНЯЗЯ РОМАНА МСТИСЛАВИЧА

© 2018

Абуков Сергей Навильевич, кандидат исторических наук,
доцент кафедры историографии, источниковедения, археологии и методики преподавания истории
Донецкий национальный университет (г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

Аннотация. Статья посвящена семейному конфликту рубежа XII–XIII вв. между киевским князем Рюриком Ростиславичем и галицким князем Романом Мстиславичем, женатым на его дочери Предславе. В историографии проблема представляется одной из наиболее дискуссионных, так как непосредственно связана с датировкой второго брака и происхождением второй жены Романа Мстиславича. Автор на основании имеющихся данных постарался определить хронологию событий, а также показать тесную связь семейных отношений князей Рюриковичей с политическими. Политический конфликт Романа с тестем Рюриком Ростиславичем, вместе с другими причинами, привел к прекращению семейных отношений с его дочерью. Ключевой темой в статье рассматривается вероятный механизм легитимации второго брака галицкого князя, позволившей ему развестись с первой женой и вступить во второй законный брак. По мнению автора, процесс развода с Предславой Романа Мстиславича не был единовременным актом. Несмотря на церковный развод, полученный от константинопольского патриарха, галицкий князь пошел на насильственное пострижение своей первой жены с целью окончательной легитимации своей новой семейной жизни и детей от второго брака.

Ключевые слова: Роман Мстиславич; Рюрик Ростиславич; Предслава Рюриковна; «княгиня Романова»; Всеволод Большое Гнездо; Ингеборга Датская; Русь; Киев; Константинополь; Галич; развод; конфликт; постриг; брак; жена; тесть; зять; князь; происхождение; патриарх; власть; отношения; Рюриковичи.

В начале XIII в. в междукняжеских отношениях произошло беспрецедентное событие: галицкий князь Роман Мстиславич заставил принять монашество киевского князя Рюрика Ростиславича, его жену Анну Юрьевну и дочь Предславу, свою бывшую жену. Этот акт стал наиболее известным, но всего лишь завершающим аккордом конфликта между Рюриком и экс-зятем, длившегося с перерывами со второй половины 90-х гг. XIII в., в котором, помимо пострижения, важными этапами были изгнание Романом жены, развод и его второй брак. Однако причины и обстоятельства этого экстраординарного события, как и вся эпопея с распадом первого брака Романа, не получили цельной и однозначной оценки.

Перипетии семейной жизни Романа с Предславой и пострижение Рюрика не прошли незамеченными в отечественной и в зарубежной историографии. Одни исследователи ограничились констатацией событий,

другие постарались сделать его анализ и установить недостающие детали. Следует отметить, что ценные, по нашему мнению, сведения содержатся в труде В.Н. Татищева [1]. Говоря о проблематике вопроса в целом, следует назвать труды русских дореволюционных [2; 3], советских [4–7], украинских [8–10], российских [11–14], польских [15; 16] и британских историков [17]. Анализ отдельных положений в их работах в контексте означенной темы будет сделан ниже.

Трудность для историка связана с состоянием древнерусских источников за период начала XIII в. С одной стороны, это прекращение Киевской летописи в составе Ипатьевского свода [18], поэтому основным источником остается проскудальская за этот период Лаврентьевская летопись [19] и близкие к ней северорусские летописи XV–XVI вв., содержащие важные дополнения, а также известия Новгородской первой летописи [20]. С другой стороны, затрудняет